

ПОИСК НОВЫХ ИДЕЙ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ ПОД УГЛОМ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ ПАССИОНАРНОСТИ

А. ЕРМОЛЕНКО,

доктор экономических наук, профессор,
Южный институт менеджмента, г. Краснодар, Россия,
e-mail: ermolenko_alex@inbox.ru

Московский экономический форум (МЭФ–2016, 23–24 марта 2016 г.) озабочен интригующей темой поиска новых идей развития российской экономики, при этом в фокусе внимания оказалась национальная идея. Такая ориентация научного поиска вынуждает вспомнить о познавательном потенциале, которым обладает созданная Львом Гумилевым теория пассионарности. Ее возможности реализуют во многих направлениях развития современной науки об обществе.

Применение метода теории пассионарности становится актуальным для отечественной экономической науки, в частности, в направлении коллективного поиска новых идей, способных актуализировать архаичную структуру российской экономики. Автор обосновывает правомерность, актуальность и необходимость применения методологического инструментария теории пассионарности для анализа креативного потенциала, которым располагает российский этнос в текущей фазе его жизненного цикла. Масштабное применение такого инструментария может обеспечить эффективность поиска новых идей развития российской экономики и отрицание комплекса штампов, которые выступают в качестве ложных целей научного поиска. Вместе с тем, такое применение сегодня ограничено методологическими возможностями участников исследования, что обусловлено существенным снижением политико-экономического уровня культуры анализа.

Особое внимание автор обращает на междисциплинарный характер поиска новых идей развития российской экономики, поскольку здесь востребован комплексный подход: контекст-анализ, точная историческая характеристика экономической системы, предметная определенность исследования, концептуальная целостность, эффективное комбинирование потенциала различных научных подходов, а также оценки возможности реализации новых идей развития. Автор стремится к реальной оценке того потенциала развития, которым обладает российский этнос в фазе инерции его жизненного цикла.

Ключевые слова: новая идея; пассионарность; экономическая методология; развитие; этнос

SEARCH FOR THE NEW IDEAS OF RUSSIAN ECONOMIC DEVELOPMENT FROM THE PERSPECTIVE OF THE THEORY OF PASSIONARITY

Alexandr ERMOLENKO,

Doctor of Economics (DSc), Professor,
Southern Institute of Management, Krasnodar, Russia,
e-mail: ermolenko_alex@inbox.ru

Moscow Economic Forum (MEF-2016, end of March, 2016) had discussion on the intriguing theme of search for new ideas of development of the Russian economy, with the national idea as the main focus. Such orientation of scientific search makes it reasonable to turn to cognitive potential of Lev Gumilev's theory of passionarity. Its potential is being developed in many directions of modern social science.

Application of method of the theory of passionarity shows its relevance for the Russian economic science, in particular, for the process of collective search for new ideas which could help to renovate the archaic structure of Russian economy. The author justifies legitimacy, relevance and necessity of application of methodological tools of the theory of passionarity for the analysis of creative potential of the Russian ethnos at the current life cycle phase. Application of these tools can provide efficiency of search for the new ideas of Russian economic development, and result in a denial of various clichés which may mislead the scientific search. At the same time, today such application is limited because of the methodological abilities of research participants, due to decline in political-economy level of analytical culture.

Special attention is paid by the author to the interdisciplinary character of search for the new ideas of Russian economic development, with the emphasis on complex approach, involving: context analysis, detailed historical description of the economic system, clearness of the research in terms of its object, conceptual integrity, effective combining of strengths of different scientific approaches, as well as assessment of feasibility of the new developmental ideas. The author seeks the real assessment of potential of development that the Russian ethnos possesses at the inertia phase of its life cycle.

Keywords: *new idea; passionarity; economic methodology; development; ethnos*

JEL classifications: *B41, B51*

* * *

Кризисная ситуация в отечественной экономике, усугубляемая действием ограниченного доступа к ресурсам внешних финансовых и технологических рынков, побуждает к поиску новых идей развития, позволяющих решить комплекс проблем, обусловленных движением по хорошо знакомому маршруту «добыча природных ресурсов – продажа данных ресурсов – распределение рентных доходов между бенефициарами». Прежние идеи развития себя явно изжили; в этом сходятся практически все участники отечественных научных дискуссий – дальнейшее сползание страны в зону «глубокой периферии» хозяйственного развития никого не устраивает. Разногласия начинаются, как только ставится вопрос о том, в каком направлении следует искать указанные идеи, как именно обеспечить приближение российской экономики к ядру современного эволюционного процесса.

Условия поиска новых идей развития

Корректное решение проблемы обеспечения эффективного и устойчивого развития отечественной экономики в современных условиях предполагает осуществление совокупности взаимосвязанных преобразований, ориентированных на расширение ресурсной базы роста, активизацию человеческого фактора, обновление институтов. Оценивая их перспективы, необходимо учитывать, что многие социально-экономические преобразования, инициированные за последние годы (муниципальная реформа, административная реформа, попытка санации комплекса ЖКХ и др.), не дали ожидаемых результатов, остановились на половине пути или остались на бумаге.

Вместе с тем, в трансформационном поле российской экономики после кризиса 1998 г. осуществляется новый виток огосударствления, в результате которого происходит снижение уровня конкурентоспособности и привлекательности отечественного бизнеса для потенциальных инвесторов, усиливаются процессы бюрократизации и коррупционного разрушения механизмов государственного и корпоративного управления, нарастает отчуждение от устанавливающейся в развитых странах «новой экономики» (*New Economy Allocation, undated*).

На фоне масштабного оттока капитала, генерируемого национальной экономикой, обозначился острый дефицит финансовых ресурсов ее дальнейшего развития. Указанные процессы обусловили дальнейшее отчуждение страны от ядра мирового эволюционного процесса и выталкивание ее на дальнюю периферию, активизировали критическую переоценку результатов движения по рыночному пути и стремление найти некий особый национальный путь развития. Во многих случаях такие поиски сводятся к мечтам о возврате к централизованному хозяйству и Советскому Союзу, что свидетельствует об остром дефиците новых идей развития, который пытаются восполнить ретроградными воспоминаниями и представлениями (*Холодков, 2015*).

Преодоление дефицита новых идей развития отечественной экономики предполагает применение познавательных возможностей, которыми располагает современная наука, адекватных характеру заявленной проблемы. Искусственная изоляция страны, новый цикл поиска национальной идеи, возведение патриотизма в руководящий принцип социально-экономической политики – все это свидетельствует об усилении одного из компонентов проблемы обеспечения устойчивого развития отечественной экономики в современных условиях – национального (этнического) компонента. Отсюда – потребность в привлечении к исследованию познавательного потенциала теории пассионарности, возникшей в поле этнологии, но обладающей, как показал Л. Гумилев, расширенными эвристическими возможностями в исторических, экономических, социологических исследованиях (*Гумилев, 2013*).

Историзм в понимании движения национальной системы

Оценивая усиление национального компонента проблемы обеспечения устойчивого развития отечественной экономики в современных условиях, необходимо исходить из того, что любой этнос, в том числе и российский, представляет собой органическую систему, движение которой осуществляется в рамках определенного жизненного цикла. Речь идет о закрытой системе, получающей при своем возникновении некоторый импульс созидательной – пассионарной – энергии, который в дальнейшем затрачивается в тех преобразовательных процессах, в которые вовлечена данная система. Этнос возникает, проходит ряд последовательных фаз своего жизненного цикла, исчерпывает свою энергию и завершает свой путь, уступая место новым этносам, растворяясь в них или исчезая с исторической арены.

Историзм в понимании движения этноса позволяет критически осмыслить стремление сформулировать некий статичный постулат о патриотизме и возвести его в ранг руководящего принципа социально-экономической политики. Отметим, что концептуальное представление об этносе формируется лишь в условиях зрелости соответству-

ющего феномена и при достижении соответствующего уровня развития методологии науки; здесь правомерно сопоставление с формированием концептуального представления о стоимости товара. Характерно, что понятий «национальное», «нация» вплоть до конца XVIII в. не было ни в научном обороте, ни в обыденном языке; они возникли лишь в ходе Французской революции (Двейг, 1992). Необходимо учитывать, что однажды войдя в активный оборот научного исследования, любое понятие через определенное время исчерпывает себя, переходя в «музейные запасы» науки.

Какое значение имеет пассионарная энергия нации для решения интересующей нас проблемы? В поисках ответа на данный вопрос необходимо исходить из того, что в середине 80-х гг. XX в. Россия вошла в период глубоких и, зачастую, противоположным образом ориентированных социально-экономических трансформаций, для осуществления которых востребованы мощные энергетические импульсы людей, инициирующих такие преобразования, и людей, вовлекаемых в них (Мамедов, 2016). Речь идет об импульсах пассионарности. Раскроем их содержание.

Пассионарность – типичная аномалия в проявлении человеческой активности, устойчивое отклонение от общественных средних величин, необходимых для обеспечения обычных жизненных потребностей, т.е., энергетический экстремум людей, готовых выйти за рамки существования по поговорке: «День да ночь – сутки прочь». Импульсы пассионарности трудно объяснить, если исходить из принципа рыночного усреднения личностных проявлений людей и объяснения их поступков обычными жизненными потребностями. Вместе с тем, это импульсы, адресованные массе людей и воспринимаемые ими, в противном случае энергия преобразований не приносит значимых результатов. Отдельный энтузиаст, стоящий во главе безразличных к его идеям и действиям людей, ничего не способен совершить. Но если его энергия воспринята множеством людей, то успех преобразований обеспечен, импульсы пассионарности материализуются в качественно новых «долгих делах». Поэтому огромное значение имеет общественная индукция пассионарности, ее возбуждение у людей, примыкающих к преобразовательному движению (Гумилев, 2015; *The Institutional Economics of Russian Transformation*).

Какова природа пассионарной энергии? Речь идет о специфической энергии живого вещества биосферы, локализованной в закрытой этнической системе, которая не генерирует такую энергию, а наделяется ей в своем исходном пункте и в дальнейшем использует ее для решения тех задач, которые ставятся перед этнической системой историей. Пассионарная энергия обеспечивает самоопределение и саморазвитие этноса в окружении иных национальных систем; расходуя ее, этнос реализует себя как исторически сложившаяся общность людей, обладающих устойчивым стереотипом поведения и специфическим способом связи с внешней средой.

В конце жизненного цикла, когда этническая система полностью расходует свой потенциал пассионарной энергии, она не способна себя защищать, ее устойчивый стереотип поведения разрушается, и прежняя активная общность людей переходит в фазу гомеостаза, в которой поддерживается спокойное равновесие с внешней средой, без всплесков активности и инициации каких-либо преобразований. Но на этом исторический процесс не заканчивается – равновесие «замершей» этнической системы с внешней средой означает, что ее компоненты готовы к включению в процессы формирования и развития других этнических систем, наделенных собственной пассионарной энергией (Вернадский, 1981; Гумилев, 2015).

Химера и суперсистема

Акцентируем внимание на том, что формирование, развитие и затухание различных этнических систем происходит в рамках объективного исторического процесса, обладающего своими временными границами (жизненный цикл уже ставших историй наций составляет около 1200–1500 лет). Любая попытка перешагнуть естествен-

ные природные границы этнической системы или принудительно слить воедино несколько различных этнических систем может привести лишь к созданию химеры.

В ареалах столкновений этносов, насильно заталкиваемых в химерическую этно-систему (фактически – антисистему), жизнь теряет свою целеустремленность и ценность, люди начинают метаться в поисках мифического смысла жизни, который они, разумеется, никогда не находят. Отметим, что определенными признаками химеры обладала такая общность людей, как «советский народ», в рамках которой были искусственно соединены этнические системы, чьи стереотипы поведения далеко не всегда относились к числу совместимых. Соответственно, для такого искусственного соединения были востребованы возможности «административного ресурса» и коммунистической идеи, исчерпание которых привело к распаду искусственно сформированной совокупности этносов, не стремившихся к сосуществованию в одном пространстве и переплетению своих пассионарных потенциалов.

Но если какая-то совокупность этнических систем, локализованных в общем социально-экономическом пространстве, обладает достаточной совместимостью стереотипов поведения, то в результате их длительного взаимодействия может возникнуть суперэтническая система (метасистема). В данном случае срабатывают силы естественного этнического притяжения, которые сродни силам рыночного притяжения участников регулярных транзакций, стягиваемых в кластерные и иные системные образования.

Наличие сил естественного этнического притяжения создает возможность для переплетения созидательных потенциалов участников суперэтнической системы, в том числе, для переплетения потенциалов пассионарной энергии. Исходя из принципа синергии, сформулируем гипотезу о том, что в рамках суперэтнической системы – при соблюдении требований совместимости сосуществующих этносов – могут возникать пассионарные синергетические эффекты, возвышающие преобразовательный потенциал данного метасистемного образования.

Россия с XVII в. стала суперэтнической системой, обеспечив переплетение созидательных потенциалов ряда народов, обладавших совместимостью стереотипов поведения. Если принять приведенную выше гипотезу, то формат суперсистемы дает ей шанс воспользоваться своими скрытыми возможностями формирования и реализации синергетических эффектов, прежде всего в приращении преобразовательного потенциала.

Успешная реализация такого шанса зависит от состояния ядра суперэтнической системы – русского этноса, исходным пунктом которого стало собиранье земель и населения «вокруг Москвы». Поскольку состояние этнического ядра определяет состояние всего суперэтноса, правомерен вопрос о том, как воздействуют на указанное ядро протекающие в нем хозяйственные процессы? Интерес к соответствующим исследованиям начинает проявляться, о чем свидетельствует введение в научный оборот категории «этноэкономика» (*Овчинников, Колесников, 2008*).

Упорядочивающим и организующим началом хозяйственной жизни в пространстве развития ядерной системы русского этноса служит отношение «власть-собственность» (*Нуреев, Латов, 2016*). Экономические системы, в которых доминирует данное отношение, обладают значительным потенциалом внутренней устойчивости, что позволяет им успешно пережить многочисленные попытки проведения глубоких преобразований. Вместе с тем, такие системы, будучи погружены в конкурентную среду, не способны обеспечить собственную конкурентоспособность, проигрывая борьбу за рынки, отталкивая от себя потенциальных инвесторов и предпочитая традиционное расширение своего контроля над хозяйственным пространством сомнительным инновациям. Стратегическая ориентация развития на извлечение природной ренты, свойственная современной отечественной экономике, типична для системы, организованной отношением «власти-собственности».

Возможности и ограничения фазы инерции

В какой фазе своего жизненного цикла находится в настоящее время российская суперэтническая система? Она завершила фазу надлома, начавшуюся еще на рубеже XVIII–XIX вв., и переходит в фазу инерции. Для надлома характерны раскол единого этнического поля, обилие гражданских противостояний и переворотов, когда имеют место всплески пассионарной энергии. Три революции, гражданская война, участие в двух мировых войнах, попытки реализации «мессианской идеи» то в коммунистическом, то в имперском ее облачении обозначают трудное завершение фазы надлома для российского суперэтноса. В каждом случае затрачивалась ограниченная в своем объеме пассионарная энергия. Распад СССР и проведение рыночных преобразований в выделенной из него России обозначили завершение надлома и переход к решению задач инерционной фазы развития. Характерно, что для проведения преобразований 90-х гг. XX в. отечественная этническая система не смогла выделить из себя пассионарную энергию, сопоставимую с энергией, затраченной на преобразования 1920–1930-х гг., что во многом обусловило результаты рыночных реформ, становления институтов гражданского общества и др. (*Maddison, 2001*).

В фазе инерции этническая система, постепенно затихая после всплесков пассионарной энергии и внутренне стабилизируясь, тяготеет к избыточным для нее активными субъектами преобразований, выталкивая их из себя. Вместе с тем, в ней постоянно возрастает давление на природную среду, ресурсы которой вовлекаются в процесс общественного воспроизводства с целью поддержания привычных стандартов потребления (*Hill and Gaddy, 2003*). Выделим специфические признаки фазы инерции в российской суперэтнической системе, нуждающиеся в углубленном исследовании:

- развитие подменяется ростом – перед субъектами системы ставятся задачи «удвоения ВВП», «расширения зон активной добычи энергетических ресурсов за счет арктического шельфа» и т.п.;
- расширение экспорта интеллектуального капитала из «болотистой», ориентированной на природную ренту среды, сочетается с ростом зависимости от внешних инвестиций и займов, поскольку механизмы генерации и накопления как интеллектуального, так и финансового капитала подорваны (*Walliser, 2008; Ермоленко, 2015*).

Характерны изменения, происходящие в фазе инерции, – утверждается новая доминанта общественного поведения, выстраивающая институции субъектов хозяйственных процессов: «не выделяйся, не проявляй избыточную инициативу, будь таким, как все», что эффективно используют в своих интересах политики-популисты (*Albertazzi and McDonnell, 2008*). В подкрепление такой доминанты возникает ложная идея ожидания новых свершений технического прогресса, которые приходят к людям вне зависимости от их созидательной деятельности. Если следовать данной идее, то снижение пассионарности этноса следует квалифицировать как переход к «обществу расширяющегося потребления», оставляя без внимания хищническое отношение к ресурсам природной среды (*Rifkin, 2000*).

Для фазы инерции характерно направление оставшегося потенциала пассионарной энергии на преобразования в области культуры, что предполагает расширение интеграционного взаимодействия ряда совместимых этнических систем в целях извлечения соответствующих синергетических эффектов. Речь идет о своеобразной «золотой осени» нации, способной принести множество «добрых плодов». Постепенно теряя пассионарную энергию и стабилизируясь, этнос воплощает себя в многочисленных исторических памятниках, творениях зодчих, скульпторов, писателей и других представителей своего «корпуса культуры».

Если исходить из истории уже исчезнувших этносов, фаза инерции продолжается около двух столетий. За ней следует фаза обскурации – угасание этнической системы,

уход ее с исторической сцены при полном исчерпании своего потенциала пассионарной энергии.

Условия регенерации

С учетом поставленной проблемы, для нас интересна возможность регенерации этнической системы, т.е., временного прорыва из фазы инерции в предшествующую фазу жизненного цикла, когда система в критический момент находит в себе нерастроченный, латентный запас энергии преобразований и временно стабилизируется на более высоком уровне (Гумилев, 2015). Для регенерации востребованы два основных условия:

- во-первых, национальные лидеры, выдвигающие новые объединительные идеи и способные повести народ за собой;
- во-вторых, скрытый, нерастроченный потенциал пассионарной энергии, воплощенный в жителях отдаленных регионов, «провинциальной глуши» этнической системы (как правило, центр этноса сфокусирован на иных задачах, связанных с поддержанием высоких стандартов уровня жизни в фазе инерции).

Исследуем основные условия регенерации, соотнося их с реалиями современного этапа развития России.

Выделим двойственность объединительных идей регенерации, выдвигаемых ее национальными лидерами:

- перспективные идеи, ориентирующие этническую систему на восходящее движение; применительно к современной России это идеи системной модернизации и перехода к инновационному развитию. Реализация таких идей обеспечивает осуществление совокупности глубоких преобразований и возвращение уже потерянных рубежей системы;
- ретроспективные идеи, ориентирующие этническую систему на нисходящее движение; применительно к современной России это идеи установления монополии «партии власти», как бы она ни называлась, возврата к централизованной экономике, огосударствления ключевых хозяйственных процессов, реставрации этнических химер и др. Реализация таких идей обеспечивает ложную регенерацию, оборачивающуюся ускоренным переходом этнической системы к фазе обскурации. Провал национальных лидеров, ведущих за собой в прошлое, подменяющих истинные цели развития сожалениями о былом величии, стратегически неизбежен, какими бы временными, тактическими успехами они его ни маскировали (Olson, 1993; Appigi, 2006).

Существенными признаками ускоренного перехода от фазы инерции к полному затуханию пассионарной энергии этнической системы выступают разрастание бюрократизации и размах коррупции, борьба с которыми не приносит никаких реальных результатов. После начала такого ускоренного перехода никакая регенерация невозможна, идет необратимое движение к конечному пункту жизненного цикла, остаются лишь воспоминания о былых достижениях национальной истории. Этнос, полностью потерявший свой запас энергии преобразований, превращается в реликт; его представители уже не творят «долгие дела», а доживают, доедают, донашивают в ожидании появления активных соседей, использующих элементы уходящего этноса в качестве ресурсов для формирования своей этнической системы.

Характерной чертой фазы обскурации является господство негативных принципов отбора: ценятся не способности, а их отсутствие, не образование, а невежество, не стойкость во мнениях, а беспринципность, что отсекает от этнической системы массу людей, не отвечающих требованиям «доживания» без потенциала пассионарности. Обскурация есть последовательное торжество множества людей, не претендующих на какие-либо свершения, от которых власти так легко откупиться минимальными социальными подачками, обещанием спокойной жизни без войн и революций. Знаменитое «лишь бы войны не было», но ведь тогда и развития не случится...

Скрытый ресурс обновления

Способ существования России как системного, пространственно-интегрированного субъекта экономических отношений – растрата запасов своей природной кладовой – обрекает отечественную этническую систему на ускоренный переход от фазы инерции к фазе полной потери пассионарности, слегка завуалированный ретроспективными идеями ложной регенерации. Образно говоря, при таком способе существования реализуется траектория «крутого» пикирования без шансов на спокойную посадку.

Такой способ существования обусловил удивительный феномен нашей новейшей экономической истории – рост доходов населения России на основе консервации весьма низкой производительности труда в период 1999–2013 гг., что свидетельствует о системной деградации экономики (Роров, 2014). Мы успешно реализуем модель бесперспективного проедания природного компонента национального богатства, остальные компоненты которого обречены на забвение и деструкцию (национальный портфель технологий, капитал экономической культуры, интеллектуальный капитал и др.). Данная модель прекрасно корреспондирует с ускоренным переходом этнической системы от фазы инерции к фазе обскурации и торжеству воспоминаний о былом величии России, которое «восстановить бы, но не знаем, как» (Гоголь, 1997).

С учетом того, что на современном этапе российская суперэтническая система находится в движении к обскурации, императив корректирующих трансформаций в ее пространстве – трансграничное взаимодействие вместо обособления и поиска мифического собственного пути, широкое использование технологических, организационных и институциональных новаций, генерированных ядром эволюционного процесса, активизация тех импульсов пассионарной энергии, которые еще могут быть генерированы российским этносом. В стратегическом плане ставка на национализм может означать только крах экономической системы (Арриги, 2006).

Опыт Европы, значительно раньше России вступившей в фазу инерционного развития, свидетельствует о том, что опора на силы интеграции, возможности переплетения этнических систем обеспечивают синергию межэтнического взаимодействия, позволяя извлекать различные синергетические эффекты. При этом особое значение приобретают скрытые резервы энергии преобразований, представленные в общеевропейской «провинции».

Интерпретируем данный опыт применительно к задачам регенерации этнической системы современной России. Энергия преобразований, в значительной мере, «выгорела» в столице, но ее очаги сохранились в провинциях, однако они существуют в скрытом виде. В данной ситуации новое звучание обретает известная формула о том, что Россия богата своими регионами. Скрытый потенциал энергии преобразований, содержащийся в территориальных сообществах, – таков ресурс обновления для всей системы страны. Для его реализации востребованы качественно новые, действительно перспективные идеи регенерации, а не действующая парадигма региональной политики, используя которую, федеральный центр обеспечивает оскудение потенциала развития территорий и притягивает к себе сохранившихся в провинции носителей энергии преобразований, чтобы обездвижить их с помощью механизмов бюрократизации и коррупционного разрушения.

ЛИТЕРАТУРА

- Арриги Дж. (2006). Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего.
- Вернадский В.И. (1981). Избранные труды по истории науки. М.: Наука.
- Гоголь Н.В. (1997). Мертвые души. М.: Художественная литература.
- Гумилев Л.Н. (2013). Струна истории. Лекции по этнологии. М.: Айрис-пресс.

- Гумилев Л.Н. (2015). Конец и вновь начало: популярные лекции по народоведению. М.: Айрис-пресс.
- Ермоленко А.А. (2015). «Крутизна» экономической политики в отсутствие политической экономики // *Вопросы политической экономики*, № 3.
- Мамедов О.Ю. (2016). В поисках «внеэкономического производства» // *Terra Economicus*, т. 5, № 4, с. 6–17.
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2016). Экономическая история России (опыт институционального анализа). М.: КНОРУС.
- Овчинников В.Н., Колесников Ю.С. (2008). Силуэты региональной экономической политики на Юге России. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ.
- Цвейг С. (1992). Мария Антуанетта. Портрет ординарного характера / *Собрание сочинений в 10 т.*, т. 7. М.: Терра.
- Холодков В.Г. (2015). Причины кризисного экономического развития России // *Вопросы политической экономики*, № 3, с. 89–98.
- Albertazzi D. and McDonnell D. (eds.) (2008). *Twenty-First Century Populism. The Spectre of Western European Democracy*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Hill F. and Gaddy C. (2003). *The Siberian curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold*. Washington, D.C.: Brooking Institution Press.
- Maddison A. (2001). *The World Economy: a Millennial Perspective*. OECD.
- New Economy Allocation* (undated). What is the New Economy? // *New Economy Coalition* (<http://neweconomy.net/about/what-is-the-new-economy>).
- Oleinik A.N. (ed.) (2005). *The Institutional Economics of Russia's Transformation*. UK: Burlington, Ashgate.
- Olson M. (1993). *Why is Economic Performance Even Worse after Communism is Abandoned?* Virginia: Fairfax.
- Popov V. (2014). *Mixed Fortunes. An Economic History of China, Russia, and the West*. Oxford: Oxford University Press.
- Rifkin J. (2000). *The Age of Access. The New Culture of Hypercapitalism where All of Life is a Paid-For Experience*. N.Y.: Putnam.
- Stirling A. (2014). Transforming power: Social science and the politics of energy choices // *Energy Research & Social Science*, no. 1, pp. 83–95.
- Walliser B. (2008). *Cognitive Economics*. Berlin Heidelberg: Springer Verlag.

REFERENCES

- Arrighi G. (2006). *Long twentieth century. Money, power and sources of our time*. Moscow: Territoriya budushchego Publ. (In Russian.)
- Ermolenko A.A. (2015). "Toughness" of economic policy in absence of political economy. *The Issues of Political Economy*, no. 3. (In Russian.)
- Gogol N.V. (1997). *Dead souls*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ. (In Russian.)
- Gumilev L.N. (2013). *String of history. Lectures on ethnology*. Moscow: Ayris-Press. (In Russian.)
- Gumilev L.N. (2015). *The end and again the beginning: Popular lectures on ethnography*. Moscow: Ayris-Press. (In Russian.)
- Kholodkov V.G. (2015). Reasons of crisis economic development of Russia. *The Issues of Political Economy*, no. 3, pp. 89–98. (In Russian.)
- Mamedov O.Yu. (2016). Searching for the «non-economic» production. *Terra Economicus*, vol. 5, no. 4, pp. 6–17. (In Russian.)
- Nureev R.M. and Latov Yu.V. (2016). *Economic history of Russia (experience of institutional analysis)*. Moscow: KNORUS Publ. (In Russian.)
- Ovchinnikov V.N. and Kolesnikov Yu.S. (2008). *Shape of the regional economic policy in the South of Russia*. Rostov-on-Don: Southern Federal University Publ. (In Russian.)

- Vernadskiy V.I.* (1981). Selected works on the history of science. Moscow: Nauka Publ. (In Russian.)
- Zweig S.* (1992). Marie Antoinette: The Portrait of an Average Woman / In: Collection of works in ten volumes, vol. 7. Moscow: Terra Publ. (In Russian.)
- Albertazzi D.* and *McDonnell D.* (eds.) (2008). Twenty-First Century Populism. The Spectre of Western European Democracy. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Hill F.* and *Gaddy C.* (2003). The Siberian curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. Washington, D.C.: Brooking Institution Press.
- Maddison A.* (2001). The World Economy: a Millenial Perspective. OECD.
- New Economy Allocation (undated). What is the New Economy? New Economy Coalition (<http://neweconomy.net/about/what-is-the-new-economy>).
- Oleinik A.N.* (ed.) (2005). The Institutional Economics of Russia's Transformation. Burlington, VT: Ashgate.
- Olson M.* (1993). Why is Economic Performance Even Worse after Communism is Abandoned? Virginia: Fairfax.
- Popov V.* (2014). Mixed Fortunes. An Economic History of China, Russia, and the West. Oxford: Oxford University Press.
- Rifkin J.* (2000). The Age of Access. The New Culture of Hypercapitalism where All of Life is a Paid-For Experience. N.Y.: Putnam.
- Stirling A.* (2014). Transforming power: Social science and the politics of energy choices. *Energy Research & Social Science*, no. 1, pp. 83–95.
- Walliser B.* (2008). Cognitive Economics. Berlin Heidelberg: Springer Verlag.